Дюк Степанович (9)

Из той же Нижной Малой Галицы,
Из той Корелы пребогатая,
Выезжает Дюк да сын Степановиц.
Выезжает он во чисто полё,
Заехал он на горы Сарочинские,
Брал он трубоньку подзорную,
Смотрел под сторонушку под северну.
Под той же сторонушкой под северной
Стоит там, штё ли, как тёмной лес;
Смотрел под сторонушку под летную —
Под той сторонушкой под летноей
Большой огонь, да сильно зарево.
Говорит-то Дюк да сын Степановиц:
«Горит у меня, видно, Нижна Галица,
Горит Корела да пребогатая».
Поворотил он своёго да коня доброго,
Приежжат он домой да в Нижну Галицю.
Стрецяла его матушка родимая,
Причесна вдова Омельфа Тимофеевна:
«Что <ты>, моё да цядо милоё,
Куда ты ходил, да куда ездил нонь?» —
«Ой есь, моя матушка родимая,
Был я на го́рах Сарочинскиих,
Брал я трубоньку подзорную,
[Смотрел под сторонушку под северну —
Под той же под сторонушкой под северной
Стоит там, штё ли, как темный лес;
Смотрел под сторонушку под летную —
Под той сторонушкой под летноей
Большой огонь, да сильно зарево».] —
«Ой еси, мое дитя милое!
Молодёхонько ты, дитя, да зеленёхонько.
Под той стороной под северной —
Не тёмной лес, а стоит стольной Киев-град.
Под той сторонушкой под летноей —

Не огонь горит, оно не зарево,
А светит наша Нижна Галица:
Сараи у нас горят серебрены,
Маковки да позолоцены,
От солнышка они огнем горят».
Говорит-то Дюк да сын Степановиць:
«Ой есь, матушка родимая!
Дай мне благословленьицё
Сходить-съездить в стольной Киев-град
Посмотреть князя да со княгиною,
Посмотреть мне-ка руських богатырей». —
«Уж не дам, грит, я тебе благословленьицё
Итти-ехать тебе в стольной Киев-град:
Молодёхонько ты, дитя, да зеленёхонько».
Другой раз Дюк нынь выспрашивал:
[«Ой есь, матушка родимая!
Дай мне благословленьицё
Сходить-съездить в стольной Киев-град
Посмотреть князя да со княгиною,
Посмотреть мне-ка руських богатырей». —
«Уж не дам, грит, я тебе благословленьицё
Итти-ехать тебе в стольной Киев-град:
Молодёхонько ты, дитя, да зеленёхонько»].
Третей раз Дюк нынь выспрашивал:
[«Ой есь, матушка родимая!
Дай мне благословленьицё
Сходить-съездить в стольной Киев-град
Посмотреть князя да со княгиною,
Посмотреть мне-ка руських богатырей»]. —
«Уж не дам, грит, я тебе благословленьицё
Итти-ехать тебе в стольной Киев-град:
Молодёхонько ты, дитя, да зеленёхонько». —
«Дашь — поеду, и не дашь — поеду».
Заплакала его мать родимая:
«Ой есь, мое цадо милоё!
Пойдешь ты, поедешь в стольной Киев-град,
Есь там Чурилишко провязьливой,
Погубит у тебя да буйну голову».
Выносила она перчаточки замцюжные:

«Ой еси, мое да цадо милое!
Подари ети перцятки Ильи Муромцю».
Не видали отправки молодецькоей,
Не видали поездки богатырськоей,
Только видели: в поле курева стоит,
Курева стоит, да дым столбом валит.
Приежжат он в стольной Киев-град
К той же обедни воскресенськоей,
Заходил он во божью́ церьковь,
Становился на правой крылос,
Брал он книгу — Еванделя.
Стоял тут Чурило блада Пленковиц.
Выжал Дюк да сын Степанович
Своима могутны плецьми,
Выжал Чурила блада Пленкова
С того же права крылоса.
Тогда подходит Чурило блада Пленкович,
Стал он его выспрашивать:
«Коёго, молодець, ты роду-племени,
Коёго, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?»
Говорит Дюк сын Степанович:
«Не то поют, да не то слушают —
Поют обедню воскресенськую».
Другой раз Чурилишко выспрашиват:
«Коёго, молодець, ты роду-племени,
[Коёго, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?»
Говорит Дюк сын Степанович:
«Не то поют, да не то слушают —
Поют обедню воскресенськую]».
Третьей раз Чурилишко выспрашиват:
«Коёго, молодець, ты роду-племени,
[Коёго, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?»
Говорит Дюк сын Степанович;
«Не то поют, да не то слушают —
Поют обедню воскресенськую»].
Отходит обедня Воскресенская,

Выходили они все да вон на улицю.
Стретил Дюк да сын Степановиць
Того же старого Илью Муромця,
Подарил ему перчаточки замцюжные.
Заходили они в палаты белокаменны
К тому же солнышку Владимеру,
Пошел у солнышка почесен пир.
Тот же старой да Илья Муромець,
Садилса он да за переднёй стол,
Того же Дюка сына Степанова
Посадил себе подле праву руку.
Тут они сидят, пьют-едят,
Тот же Дюк да сын Степановиц
Попивать он стал зелено вино.
Сидит же Дюк да сын Степановиць,
Ес он белы колацики:
Верхну короцьку на стол кладёт,
Нижну короцьку под стол мецёт,
Ес одну середоцьку.
Замечает Чурило блады Пленковиць,
И говорит Чурило таково слово:
«Ой еси, солнышко Владимер-князь!
Приехал гость к нам незванныя,
Незванной гость и нежданной,
Тебя, князя, ничем зовёт,
Нас, богатырей, не во што кладёт.
Ес он у тебя колацики,
Верхну короцьку на стол кладёт,
Нижну короцьку под стол мецёт,
И ес он одну середоцьку».
Осердились все удалы добры молодцы,
Осердилса солнышко Владимер-князь,
Все стали на него нападывать,
Тут стали ему допрос делать:
«Почему же у нас не ешь колацики?» —
«У моей-то матушки родимоей,
У цесной да у Омельфы Тимофеевны,
Пецки-ти у нас муравлены,
Потики-то у нас серебрены,

Помелышко у нас медляное —
Она пекёт колацики:
Один колацик съешь, а другой пушше хоцицця,
А об третьём-то колацики душа горит».
Поддарживат его старой да Илья Муромец.
Тут Дюк с Чурилом приросспорили,
Говорит Чурило таково слово:
«Ой есь, приехал ты, молокососишко!
Я куплю-продам тебя одной своёй куньей шубой».
Бились они с Чурилом о велик заклад:
Не об злате, не об серебре,
А об своих буйных головах —
У которого дороже кунья́ шуба.
Рестовали Дюка сына Степанова —
Поддарживат его старой да Илья Муромець,
Не дават его в обидушку.
Писал-то Дюк да сын Степановиць,
Писал он ерлык да скору грамоту
И своей он матушки родимоей
Причесной вдовы Омельфы Тимофеевной:
«Ой есь, моя матушка родимая,
Причесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Пошли мне пальто да воскресенськое».
Выходил-то он да вон на улицу,
Клал ярлык да он в седелышко зеркальцято,
Отправил он своёго коня доброго.
Прибегат его доброй конь
В ту ли да Нижну Галицу.
Стрецяла его матушка родимая,
Стрецяла она и заплакала:
«Потерял, видно, цядо буйну голову».
Подходила она да к коню доброму,
Отмыкала седёлышко зеркальцято,
Вымала ерлык да скору грамоту,
Цитала ерлык да скору грамоту:
«Да ой есь, моя матушка родимая!
Пошли мне пальто да воскресенськое».
Выносила она да пальто да воскресенськое,
Клала в седелышко заркальцято

И отправила своего коня доброго.
Прибегал конь да в стольной Киев-град,
Выходил-то Дюк да сын Степановиць,
Отмыкал седелышко зеркальцято,
Заходил он в светлу светлицю.
У того же Чурила блада Пленкова
Ценили кунью шубу в петьсот рублей,
У того же Дюка сына Степанова
Тоже ценили во пятьсот рублей.
Надел-то Дюк да сын Степановиць
На себя да он кунью́ шубу.
Было у Дюка на шубы три пуговки,
Провел-то Дюк да сын Степановиць
По пуговкам своей да правой руценькой —
Запели эти пуговки разным голосом.
Ценили эти пуговки:
Двум пуговкам цену дали,
А третьей не могли и цены дать.
Скоцил тут Дюк да сын Степановиць
На свои да на резвы ноги,
Хватил он сабельку вострую —
Рубить ладит у Чурила буйну́ главу́.
Тут стали его упрашивать,
Стали его да уговаривать.
Поглядел он на старого Илью Муромця
И простил Чурила блада Пленкова.
Тут опеть они сели на почесен пир,
Тут они и пьют-едят.
Опеть Чурило с Дюком приросспорили,
Говорит-то Чурило таково слово:
«У меня, грит, житья-имущества больше твоего».
Бились они о велик заклад:
У которого меньше житья-имущества,
Рубить у того буйну голову.
Захватили Дюка сына Степанова —
Поддарживат старой да Илья Муромец,
Не дават он Дюка в обидушку.
Выбирали они два писаря:
Одного — Олёшиньку Поповица,

Другого — Микитушку Добрынюшку
Ехать в Нижну Галицю,
Описывать житье-имушшество
У того же Дюка сына Степанова.
Два писаря поехали к Чурилишку.
Приежжают Олешинька с Добрынюшкой
В ту ли да Нижню Галицю,
Заходили оне во горницю
(*Номер дома они знают*!) —
Ходит у печки тут женшчина.
«Здравствуй, говорят, Омельфа Тимофеевна». —
«Я, говорит, не Омельфа Тимофеевна,
Я ейна куфароцька,
А Омельфа Тимофеевна в парной баенки».
Идет Омельфа из парной баенки,
Ведут ей две куфароцьки под руки.
Заходит она ходом задниим,
Зашла она в теплу спаленку.
Выходила она на куфоньку:
«Здраствуйте, удалы добры молодцы,
Куда вы пошли, куда поехали?» —
«Приехали мы тебя описывать:
Росхвастался Дюк да сын Степанович
С тем же Чурилой блада Пленковым
Об житье и об имушшецтьве».
Вынимал Олеша ерлык, да скору грамоту,
Пере́дал Омельфы Тимофеевны.
Роспечатала она ерлык, да скору грамоту,
От того же Дюка да сына Степанова:
«Ой есь, моя матушка родимая!
Причесна вдова Омельфа Тимофеевна,
Отведи мага́зин — сбрую лошадиную,
Пусть они ее описывают».
Говорит Омельфа Тимофеевна таково слово:
«Ой есь, добры молодцы!
Проходите с дорожки попить-поись».
Провела она их во горенку,
Посадила за дубовой стол,
Подала она по рюмке вина заморського —

Зашавило у робят да буйну голову.
По другой подала рюмоцьки заморського —
Где они сидели — тут и заспали.
Пробужались они поутру рано́,
Посадила она их попить-поись,
Подала опеть по рюмоцьки вина заморського.
Говорит она таково слово:
«Ой есь, удалы добры молодцы!
Пойдемте, отведу я вам магазин описывать».
Описывали они магазин два месяця,
Не хватило у них ни чарнила, ни бумаги.
Говорит-то Олешинька Попович:
«Не описать нам ейно житье-имушчество целой год».
Отправлятця стали в путь-дороженьку.
Приежжают они в стольной Киев-град,
Заходили к солнышку Владимеру.
Спрашивать стали у Олёшиньки Поповича:
«Долго ты, Олешинька, поездил нынь!
Много ли описали у Чурила блада Пленкова?»
Говорит им Олеша таковы слова:
«Описали, говорят, его на пятьдесят тысець». —
«А мы, говорит, у того же Дюка сына Степанова
Описывали магазин сбрую лошадиную,
Описывали ровно два месяця —
Не хватило у нас ни чарнила, ни бумаги
На одну ли же сбрую лошадиную.
Все имушчество его описывать —
Заберет нас круглой год».
Скоцил-то Дюк да сын Степановиц,
Скоцил-то он да на резвы ноги,
Хватил он сабельку вострую —
Рубить ладит его буйну главу,
Того ли Чурила блада Пленкова.
Стали его да упрашивать,
Стали его да уговаривать.
Поглядел он на старого Илью Муромца,
Послушал старого Илью Муромца —
Не стал его рубить да буйну голову.
Тогда сели опеть они на почесен пир,

Тут они опеть пьют-едят,
Тут опеть с Чурилом да приросспорили.
Говорит-то Чурило да таково слово:
«Я-то силонькой сильне тебя».
Тут они да приросспорили,
Тут они да приросcорились,
Бились-боролись о велик заклад,
Не об злате они, не об серебре —
О своих ли то буйных головах:
Скакать на добрых конях через Дунай-реку:
Которой не перескоцит,
Рубить у того да буйну голову.
Как их унимали-упрашивали —
Не могли упросить добрых молодцев.
Выходили они да вон на улицю,
Садились они да на добрых коней,
Подъехали они к Дунай-реки,
И собралось тут народу много-множество.
Говорит Чурило блада Пленковиц:
«Скаци, говорит, Дюк, через Дунай-реку».
Говорит Дюк да таково слово:
«Ты накликал — наперед ты скаци».
Розъехалса Чурило блада Пленковиц,
Скоцил он через Дунай-реку —
Огруз он в саму середоцьку.
Розъехалса Дюк да сын Степановиць,
Скоцил он через Дунай-реку —
Не оммоцил он копытика,
Перескоцил он церез Дунай-реку.
Поворотил он своёго коня доброго,
Прижал он его шпорами вострыма
И скоцил назад он церез Дунай-реку,
И хватил Чурила за жёлты кудри,
И выташшил его из Дунай-реки.
Соскоцил Дюк со добра коня,
Хватил он сабельку нынь вострую,
Срубил Чурилу буйну голову.

(Зап. Леонтьевым Н. П.: 7 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на — от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.